

ЭТИЧЕСКИЙ ВЫБОР И МНОГОГРАННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ В ПРОЗЕ АНТОНИЯ ИСАКОВИЧА

Краткое содержание: Темой статьи является озабоченность этическим решением и многогранные взгляды на разные события в прозе сербского рассказчика Антония Исаковича, где фрагментарные воспоминания и стремления к целостности рассказа отражают преобладающую озабоченность автора вопросами человеческой деятельности в кризисных ситуациях. Этическая составляющая повествования Исаковича указывает на то, что на войне и при смертельной опасности постоянно обостряется жизненный выбор, что отражается не только в рациональном принятии решений, но и часто освещается тема борьбы тела за преодоление всех пределов выносливости. Исакович драматизирует ментальные состояния за пределами четкого выражения речи и мысли, как мы увидим на примере его самых известных историй.

Ключевые слова: сербская проза, этика, многогранные взгляды, пересказ.

Обозначая первоначальное «изучение идей», идеология определяет свое пространство между реальным и совершенным, указывая на концептуальные содержания, которые изменены под влиянием социальных возможностей, и, таким образом, представляет собой искаженное ложное сознание, которое неадекватно выражает социальные и исторические обстоятельства своего происхождения: оно может быть инструментом для консолидации иррациональных форм общественного господства и неправильных представлений, навязанных манипуляциями и принуждением.¹ Но в то время как идеология является каким-то образом последующим мифом о выборе и жизни, этика является основой нашей реальности, которая подразумевает решение действовать. Как этический выбор и основание работы отражены в литературе, мы покажем на прозе Антония Исаковича.

Повествовательное произведение Антония Исаковича (1923-2002) эффективно вводит в обычный рассказ драгоценный поэтический избыток и по лирическому эффекту этот писатель строит свою поэтику: однако постоянное присутствие этических тем выделяет его как автора, чья проза во времена ярких идеалов и некритических идеализаций после Второй мировой войны через персонажей воина и страдальца был введен необыкновенный набор символов, основанный на этическом превосходстве, своего рода код-герой Хемингуэя, герой, характеризующийся честью, мужеством, достоинством и стоицизмом, готовность страдать и терпеть, и умение выразить боль и страдания.

С его дебютной коллекцией рассказов «*Большие дети*», впервые опубликованной еще в 1953 году, Антоний Исакович представляет себя как автора, чье произведение не имеет ложного энтузиазма или парадного идеализма, но обладает превосходной поэзией, лирическим самоанализом, яркими образами и ораторскими экспериментами; эта книга предполагает, что в прозе Исаковича фрагментация памяти и стремление к целостности рассказывания историй, пористость границы мечты и реальности, искушения и страдания всегда будут

¹ Гордич Петкович, В. (2007) На женском континенте, Нови Сад: Дневник, стр. 166. Используя эпистолярную технику, рефлексию, выражение и внутренний монолог, Исакович драматизирует ментальные состояния, не подходящие для четкого выражения речи и мысли.

подвергаться испытанию. Этическая составляющая повествования Исаковича, постоянное оттачивание жизненного выбора на войне и угроза смерти, сопровождается постоянно и темой телесных искушений, мотивы тела борются за преодоление границ, устранение (или, по крайней мере, терпение) усталости, боли, беспокойства и страха, преодоление дискомфорта от холода, влаги, гнева и вялости, бессонницы и истощения.

Для короткого рассказа, как определенного прозаического жанра, связываются авторские тенденции экспериментов и инноваций, и ее сознательное намерение состоит в том, чтобы включить голоса с полей, бессильных, *разных*, в социальной стратификации невидимого и анонимного. Многие авторы рассматривают эту форму как величайшую художественную проблему, и ее определение все еще остается предметом разногласий: хотя рассказ, с одной стороны, характеризуется «бесконечной гибкостью»² и руководствуется идеей, что это может быть «статичный очерк без осложнений», репортаж, но также «стихотворение в прозе, более нарисованное, чем написанное»³, эта прозаическая форма также может быть объяснена как совершенство риторики без запутывания или посредничества подлинного опыта, который является языковым выражением человека и ставит его на второй план.

В прозе Исаковича война - это нерешительность, перехитривание, выяснение, тактика, соблазнение и запутывание противников; война также является экономическим и телесным фактом: на войне человек голодает, замерзает, ему причиняют боль и он страдает; испытывает физический дискомфорт из-за холода, порванной одежды, осязаемой сырости. Война - это опыт, который нужно не только знать, но и побеждать, осваивать, чтобы иметь возможность втиснуться в историю. Хотя он рисует множество страданий войны, Исакович уделяет наибольшее внимание этическим дилеммам и спорам.

Этические конфликты героев Исаковича представлены прерывистыми образами, несвязными метафорами и ярким лирическим выражением. Сплоченность лирических элементов утверждения меняет повествование в направлении строго отобранной записи мыслей, настроений и реакций, что создает впечатление (особенно в ранних историях), что герои полусознательны, ошеломлены, сонливы или загипнотизированы. Поэтический аскетизм Исаковича, его своеобразная форма вери и минимализма, заметны несколькими способами: короткими, сокращенными, но не урезанными, гипнотически медленными предложениями, в фрагментированных диалогах, в которых повествование борется с полифонией неопознанного многоголосия, в ее однозначной приверженности экспозиции, где многие повествования о поэтике предпочитают использовать для описания. Рассказчик записывает события, не оценивая их причины и результаты, действуя так, как будто он говорит со своей орбиты, и читателю ясно, что, даже если у него нет определения, имени и личности, он существует как сознание, которое следит за событиями либо посмертно, либо с позиции, исключая индивидуальный интерес и эмоциональное взаимодействие.

Рассказчик Исаковича не является этически детерминированным, но он ясно указывает на этический конфликт, на концептуальный конфликт: как бы он ни подходил для определений, этот рассказчик, тем не менее, определяется одним - постоянным присутствием в кризисе, в тот момент, когда и добродетели, и догмы, и честь подвергаются испытанию и условности.

Исакович рожден этим избирательным всеведением, и он в значительной мере использует многие поэтические потенциалы этого видения, поэтому в его прозе мы постоянно замечаем, в дополнение к его отчетливым усилиям тематизировать искушение, идеологически и

² Lohafer, S. (1983) *Coming to Terms with the Short Story*, Baton Rouge: Louisiana State University Press, p. 7.

³ То же самое, стр 7.

этически, стремление выйти из надежно сформированных рамок повествования в менее избирательное и удручающее

Поэтическое окружение короткого рассказа. Перемена фокуса рассказчика, быстрое смещение различных пространственных и временных планов, а также элементы поэтического, драматического и прозаического дискурса, объединённые в различиях, являются уверенным индикатором такой *жанровой перестройки*.

Что касается *идеологической организации*, нам предлагают не столь неожиданное разъяснение. В работе «Пограничные ситуации в рассказах Антония Исаковича» Светозар Кольевич рассматривает свойства поэтики Исаковича с точки зрения концепции, которую Карл Ясперс объяснил⁴ как знаменатель для ситуаций не только угрожающих жизни, но и моментов, когда этическое действие человека подвергается испытанию. По словам Ясперса, многогранные ситуации - это смерть, страдания, борьба, вина и ненадежность, небезопасность мира⁵ и искушение многогранных ситуаций - еще одно название существования. Война будет та многогранная ситуация, которая проверяет человечность и целостность, но также несет реальную, осязаемую опасность, что в страхе и на пороге смерти вы можете стать плохим человеком, недалеким и жестоким, злым и разрушительным. Герои Исаковича - это комбатанты и раненые, умирающие старики, парамедики, гражданские лица, герои и трусы, голые заключенные, четники и таинственные чувственные женщины, всегда сталкивающиеся с моментом этического выбора между справедливостью и проступками, верностью себе и верностью отчужденной системе ценностей. Светозар Кольевич также признает «луч морального оптимизма»⁶ в этом продолжении трагического испытания.

У Исаковича, «человек - партизанский боец, заключенный на Голом острове, смертный в больнице или на его древней родине - сталкивается с (...) моментами, в которых становится ясно, что он не шёл, чтобы испортить мир ...»⁷ Как исследователей многогранной ситуации Кольевич упоминает британского романиста польского происхождения Джозефа Конрада (Joseph Conrad,) затем Хемингуэя (Hemingway), Фолкнера (Faulkner), Сартра (Sartre) и Камю (Camus), указывая на разнообразие тематических нитей и стилевых составляющих их поэтики. Различные политические и исторические обстоятельства становятся отправной точкой того, что Кольевич называет этическим и метафизическим приключением.

Одна цитата из самого конца рассказа «Красный шарф» заставляет читателя удивляться и злиться, ощущая, что жанры короткой прозы - повести, новеллы и короткие рассказы - так редко передаются успешно.

"Что я? Женщина? Нет ». Этот абсурдный и почти гротескный философско-рефлексивный момент принадлежит эпизодической героине. В своем прочтении этой истории Кольевич сосредотачивается на ней с идеей указать на ее обвинения, просьбы и замечания как на след света и тепла в мире идеологического догматизма. Ее заключительное заявление представляет собой эффективное обобщение смешанных чувств боли, самоотречения, страха и шока, испытываемых человеком, сталкивающимся с чудовищной эффективностью системы идеологических санкций, в которой он сам имел некоторую, хотя и непреднамеренную или небрежную, долю. Это слова женщины, для которой юный партизан украл шарф, который, по ее собственным словам, был сплетён из двух овец и из-за этого был застрелен. Мы будем

⁴ Кольевич С. Трагические ситуации в рассказах Антония Исаковича в Тема: Академик АнтониеИсакович подготовил Стоянович М. (2007), Рача: Центр за митолошки студии Србији, стр. 80

⁵ Jaspers, K (1956) Philosophie II Berlin Gottingen Heidelberg; Springer-Verlag; p 203

⁶ Кольевич, С работа стр 74.

⁷ Кольевич, С работа стр 66.

помнить, что главный герой этой истории, партизан Мирко, уходит на смерть, потому только, что он поднял шарф с земли, которым мог согреть замерзшую шею. Элементы лирического, рефлексивного и ассоциативного Антоний Исакович в этом рассказе использует для изображения искушения (измученного и изуродованного) тела, пограничного состояния сознания, галлюцинаций, восстания и дезориентации, которые релятивизируют моральные нормы и влияние разума на действия человека. Физиологическое чувство холода, которое приводит к состоянию безумия (голова Мирко «пьяна от зимы», а на его шинеле хватается «мороз») смешивается с воспоминаниями детства, поэтому снег на руке героя начинает напоминать сладкое славское зерно. Ситуация, в которой психофизические силы Мирко подсознательно подвергаются испытанию, превращается в славский, праздничный момент радости и покоя. Состояние ума, в котором неразборчиво смешиваются воспоминания и галлюцинации, Исакович умело представляет и анализирует, чтобы объяснить и оправдать этический выбор своего героя, причины и последствия момента принятия решения, момент этического выбора, который тесно связан с обстоятельствами действий героя. Таким образом, акт незаконного присвоения шутки происходит в некотором промежуточном пространстве между реальностью и сновидением, между настоящим моментом и фантазией; совершенное преступление является просто результатом чувственной фантазии о тепле и безмятежности, фантазии, которую репрессивный идеологический аппарат не может понять или принять в качестве защиты и оправдания.

Поскольку мы не воспринимаем акт воровства, поскольку мотивация проступка понятна и близка нам (холод, истощение и бунт не являются абсолютно безуспешными в разрушении героического духа), то же относится и к этому страшному ответу на силу и идеологическому наказанию смерти короткой процедурой (судебность представленная безлично, коротко и телеграфно, все в абстрактных соображениях моральной доктрины, а не в анализе конкретных обстоятельств), поскольку наказание кажется нам непропорциональным и слишком суровым для чего-то, что является скорее отражением самосохранения, чем актом незаконного захвата чужой собственности, и что мы не совсем уверены в том, что слова женщины («Что я? Женщина? Нет.») на самом деле сказаны и мы не совсем уверены в их значении. Эта женщина оплакивает чувство вины, или она думает о природе своего греха - о том, как новый грех и новое наказание родились изнаказания за грех? И откуда столько смущения и отвращения к себе, столько желаний отказаться от ответственности, как это сделала Леди Макбет Шекспира, следовательно, и человечности?

Стыд, вызванный кризисом идентичности, шейлоковский крик о том, чтобы разделить справедливость, которая заканчивается самонаказанием и отрицанием бытия, расширяет границы жанра короткой прозы Исаковича и смещает его последствия с философско-идеологического на формальный уровень: мотивы не только универсализируются путем распространения послушания к идеологии и расширяются в пространство библейского рассказа о подстрекательстве, предательстве и страданиях, рассказчик уже избавляется от себя, его точка зрения бесконтрольно расширяется, а герои распадаются.

Женщина, которая жалуется, бунтует, недовольна армиями, которые все одинаковы и все ищут одного и того же, повторяет слова, которые, даже не осознавая этого магического поворота, передаются от скучных ворчаний к смерти. Финал «Красного шарфа» принимает этот неожиданный поворот, этот маневр, как жанровый, так и онтологический: причитание превращается в отрицание, повествование - в признание. В отрицании абсурдной смерти, которая, абсурдно, произошла; в отрицании своего собственного существа и себя как виновника этой смерти - потому что если одно слово может так легко прервать жизнь, то сама жизнь этого существа - ничто, тогда ни мир, в котором эта жизнь имела место, не имеет значения ни смысла. Для конца истории зарезервированы женские голоса сопротивления, непонимания, неприятия, неприязни к такому миру и такой смерти; конец рассказа остается

за голосами женщины, шутники и партизанская медсестра Бранка, которые не понимают, что произошло, но также отказываются рационализировать абсурд идеологического наказания.

Несогласие с такой суровой и непостижимой реальностью также возникает из-за впечатления нереальности повествовательного события: и читателю рассказа и действующим лицам описанной ситуации всегда кажется, что преступление Мирко относится к фантастическому измерению ночных кошмаров и галлюцинаций, где нет причинно-следственных связей или пропорциональности причин и следствий. Впечатление о том, что партизанский грех, наказание и смерть от стрельбы происходят в параллельной реальности снов, также вызвано странным трауром крестьянки, трауром, отрицающим ее существование и идентичность, трауром, который звучит как поэзия, бред и речь о безумии одновременно

Но этический догматизм, с которым сталкивается неназванная женщина, является слишком большим шоком: с одной стороны, смертная казнь за кражу может быть абсурдным удовлетворением для этого гражданского молчаливого большинства, которое все еще ожидает мирного легализма в войне; с другой стороны, это кошмар идеологической борьбы, который предупреждает, что такие этические репрессии могут очень быстро превратиться в тиранию.

В реальном мире неназванный владелец красного шарфа представляет собой «молчаливое большинство»: все, кто разгневан войной и грабежом, сопровождающим ее, полон беспокойства и экзистенциальных тревог, но твердо решил выжить и сохранить минимум богатства. Материальные интересы - это не изображение эгоизма или жестокости, а признак самосохранения. Женщина - это картина тихого неповиновения, сопротивления войне и смерти, так как у Исаковича женщины часто выступают за политику примирения, не героических, но экзистенциально единственную возможность компромисса с порядком войны и разрушения. В рассказе «Женщина, ребенок, коза и отрядкрестьянина» она решительно отказывается оставить единственное оставшееся имущество усталым от борьбы партизанам, даже под угрозой смерти: она видит козу, которая кормит своего ребенка, как возможность новой жизни в очаге («Я должен начать с козла снова»). И один из самых необычных диалогов в прозе Исаковича ведется во имя животворного импульса:

- Женщина, мы должны взять твою козу.

- Нет, не дам, это всё что у меня есть.

- Вы не можете остановить нас. Мы возьмем её », - сказал ушастый.

Женщина повернулась к солдату, уставившись: ширококлетчатые пятна на лбу, щеки - как будто лицо было в прыщиках. Она спокойно сказала:

- Вы должны убить нас в первую очередь.

- Но ты сурова.

- Нет, я права.

Слово *права* завершает как экзистенциальное, так и этическое послание рассказа: оно суммирует все значения, все оправдания, готовность женщины умереть, если она останется без того, что она считает своей (единственно возможной будущей) жизнью. Как сколько во множестве женских историй они были сведены к смутному, неназванному, но интенсивно присутствующему теплему телу, часто именно они являются холодным умом, материалистическим и эмпирическим рационом.

История «Ложка», первая в первой книге Исаковича, развивает символику, на которую сам писатель неожиданно указал нам: «Ложка - это безобидная женщина, вы можете ранить мужчину вилкой и ножом и накормить его ложкой»⁸. Она представила Исаковича как виртуозного автора с сильным чувством к символу и деталям, как автора, которого из его любимой книжки - Чехова, Мопассана и Лаза Лазаревича - учил, что короткий отрывок должен появляться в короткой прозе, странная и трудно объяснимая исключительность в результате чего его истории перестают быть стереотипными пристрастными историями о безгрешной этике вечного искушения или желания. Этот рассказ показал, насколько заботливым и вдумчивым он был с самого начала при составлении его, и как он признает возможности, которые предлагает ему язык - и не только язык, но и все те лакуны, которые его беспокоят, этот своеобразный стаккато, прерывистый ритм быстрых, нервных частей утверждения это, кажется, вырывает нас из долгого сна. Прерывистость повествования и почти причудливая мощь образов («разбитое сердце», растущее «жирное пятно каймака», покрывающее лесную зону вокруг двух боевых товарищей, разделенных ведром каймака) не обусловлены небрежностью или быстротой. Исакович настаивал на удалении, переписывая один рассказ в нескольких версиях, таким образом, пытаясь достичь совершенства формы⁹ В книге Речи и беседы он написал:

На самом деле Я веду определенную войну с эпическим повествованием, эпической ситуацией нашего языка. Я стремлюсь сделать этот язык короче, более беременным, сделать его более сжатым, хочу сломать его позвоночник, сжать его и достичь второго значения в том сокращении, что он не всегда должен расширяться, эпически - я ненавижу разлитую лужу; Мне не нравится лишняя нарядность, обходы, пятиэтажные фигуры, чтобы пробиться к образу или концепции.

Правда, этого никогда не бывает достаточно на один раз, поэтому развитие и модернизация нашего языка пошли в другое время, в расширенном предложении, в стиле барокко, в избытке. Только я принадлежу к писателям, которые стремятся к сокращению, используя как можно меньше слов и получая его снова, так сказать: в краткой форме - длинное содержание.¹⁰

Минималистские элементы в рассказывании историй (эллиптическое выражение, дефицитные, но наводящие на размышления описания, краткие и многослойные символы), дефицит слов и понятий, релятивизация каждого временного и пространственного плана - не только часть арсенала литературных условностей Исаковича, но и традиция, которая редко встречается в сербской литературе; однако этические проблемы, заключенные в минималистский нарративный узел, уникальны. У героев Исаковича едва ли есть свои предрассказы, и каждый из них восстанавливает свой характер долгим и медленным путем, исключая четкое психологическое или психопатологическое определение: их жизнь от пограничной ситуации, до смерти, до боли, опасности и болезни. Они остаются скрытыми на языке, который можно себе представить (длинные внутренние монологи, мечты, воспоминания, догадки), а не на котором говорят. При изучении таких явлений, как молчание, повторение, упущение, сгущение и свидетельство, автора Сэмюэла Беккета, композиторов Филиппа Гласса, Джона Кейджа и теоретика литературы Ихаба Хасана (Ihab Hassan) часто называют примерами таких практик.

⁸ Цитируется : Стојанјвић, М. Как закалялся писатель на побуждениях родины, Тема: Академик Антоний Исакович, стр 119

⁹ Немилосердно надо стирать свои предложения. И всё сводится на палку с два края: переписывание и стирание"- работа стр.121

¹⁰ Стојановић, М работа 125.

Минимализм будет описан в изобразительном искусстве как статичный и редуционистский, в то время как в музыке он сводится к систематическому повторению и отказу подчиняться устоявшимся принципам сочинения; когда дело доходит до литературного творчества, существует консенсус, что это реалистичный метод, который включает в себя как визуализацию рассказывания историй, так и подтверждение эффекта пропуска, и только в рамках этих двух методов (изложение заменяет описание и фокусируется на пустоте), разрабатывается ряд хорошо разработанных стратегий. Именно пограничные ситуации, мучительные моменты самоопределения добра и зла, моменты кризиса, отчаяния, страха, моменты, когда молчание охватывает все.

Литература не перестает затрагивать тему функционирования в сообществе, и адаптации к сообществу предполагает признание границ даже в те самые сложные, экзистенциальные и этически трудные времена. Это признание касается уважения других, а также установления различий - между реальностью и воображением, прошлым и настоящим, моментом и вечностью, этическим выбором между жизнью и смертью, добром и злом.

ЛИТЕРАТУРА:

Gordić Petković, V. (2007) Na ženskom kontinentu, Novi Sad: Dnevnik.

Jaspers, K. (1956) Philosophie II, Berlin, Göttingen Heidelberg: Springer-Verlag.

Кољевић, С. 'Граничне ситуације' в рассказах Антонија Исаковића, у: Тема: Академик Антоније Исаковић, приговори Стојановић, М. (2007), Рача: Центар за митологическе студије Србије, стр. 65-77.

Lohafer, S. (1983) Coming to Terms with the Short Story, Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Стојановић, М. Как закалялся писатель на побуждениях родины у: Тема: Академик Антоније Исаковић, приговори Стојановић, М. (2007), Рача: Центар для митологическе студије Србије, стр. 115-129.

Са српског превела Лидија Лазич Золотовскиј
Перевод с сербског Лидија Лазич Золотовский